

«Тайна смерти»

Б. ШТЕЙНПРЕСС,
кандидат искусствоведения

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ на страницах некоторых газет и журналов мелькали сообщения о том, что западногерманскими исследователями якобы разгадана тайна смерти создателя «Дон Жуана» и «Волшебной флейты».

То, что считалось мифом и получило легендарно-поэтическое отражение в пушкинском «Моцарте и Сальери», теперь якобы должно считаться исторической достоверностью: Моцарт отравлен. Выводы западногерманских медиков изложены в серии очерков майнцского терапевта Дитера Кернера и в книге мюнхенского медика Гунтера Дуды «Конечно, мне дали яду».

Врачи, лечившие Моцарта, не обнаружили у него никаких признаков отравления. Компетентность и добросовестность этих известных в медицинском мире людей не вызывают никаких сомнений. Причиной смерти Моцарта в официальных документах названа просовидная лихорадка. Преобладающий ныне диагноз — хроническая болезнь почек, отягченная сильным переутомлением, возможно, и гипертонией. Существует также предположение о базедовой болезни, с чем, между прочим, согласуются и изображения на портретах Моцарта.

Однако доктор Кернер взялся доказать, что Моцарт не мог умереть ни от одной из существующих болезней, приводящих к естественной кончине. Главные свои изыскания он направил в область токсикологии. Перебрав разного рода яды, Кернер отверг все, за исключением сулемы. Свой выбор он остановил на этом ртутном соединении, поскольку ему обязательно надо было подыскать медленно действующий яд: ведь процесс болезни Моцарта исключает предположение о быстродействующем яде.

А между тем уже доказано авторитетны-

ми врачами, что многие симптомы болезни композитора вообще противоречат признакам отравления, в том числе сулемой.

Как гласит предание, у самого композитора возникла мысль, что его отравили. По свидетельству вдовы, записанному в дневнике супругов Новелло, беседовавших с ней в 1829 году, страх обуял композитора примерно за шесть месяцев до смерти. Мог ли при такой мнительности Моцарт позволить кому-либо систематически на протяжении полугода примешивать к его пище отраву?!

Трагедия превращается в комедию. История переходит в детектив. Медицина сменяется мистикой. Не ссылаясь на какие-либо факты или свидетельства, Кернер и Дуда утверждают, что еще летом 1791 года Моцарту давали небольшие дозы яда. Решающую же, смертельную порцию композитор будто бы принял 18 ноября — за два дня до того, как слег в постель, и за шестнадцать дней до смерти.

Дата 18 ноября придумана потому, что в этот день состоялось исполнение в масонской ложе под управлением Моцарта его «Маленькой масонской кантаты». Там, в ложе, его якобы и отравили. Но Сальери, как известно, масоном не был и на исполнении кантаты не присутствовал.

Впрочем, ни Кернер, ни Дуда не связывают себя преступлением Сальери, который, как пишет Дуда, «в лучшем случае был только орудием лож». Почему же масоны подвергли казни Моцарта, который сам был ревностным масоном?

Ответить на этот вопрос пытались еще сто лет назад. В 1861 году немецкий теолог Фридрих Даувер опубликовал статью, в которой оповестил мир, что Лессинг и Моцарт были отравлены по тайным приговорам лож. Версию о масонах — организаторах заговора против цвета немецкой нации поз-

*«Известия-унионисты», г. Москва
1963, 14 сентября*

МОЦАРТ

же подхватил Герман Альвардт — столп немецкого шовинизма, а затем генерал Людендорф — один из вдохновителей и организаторов национал-социализма. Сподвижница и жена его — доктор медицины Матильда Людендорф выпустила в 1928 году книгу «Неискупленное злодеяние против Лютера, Лессинга, Моцарта и Шиллера».

С Моцартом (по Матильде Людендорф) «дело обстояло так»: когда началась революция во Франции, масоны заставили Моцарта и Шиканедера (либреттиста) написать оперу в прославление их ордена. Но Моцарт, узнав в ложе, что братья готовят покушение на австриячку Марию Антуанетту, французскую королеву, ужаснулся и повернул сюжет против них. Герой оперы («Волшебной флейты») принц Тамино — это сам Моцарт, его отец — немецкий народ, а Тамино, которую спасает Тамино — Моцарт своей волшебной флейтой (немецкой музыкой); — это Мария Антуанетта. За это его показывали враги немецкого народа.

О бредовом опусе Матильды Людендорф можно было бы и не вспоминать, если бы эта книга не стала библией современных западногерманских обновителей мифа. Книга Гунтера Дуды «Конечно, мне дали яду» выпущена издательством «Хоз Варте» — преемником мюнхенского издательства «Людендорф Ферлаг» и рупором идей, пропагандировавшихся в свое время органом националистов «Людендорфс Фольксварте». Вместо предисловия Дуда помещает цитату из опуса Матильды Людендорф, а «труд» генерала Людендорфа, переизданный тем же издательством «Хоз Варте» в 1957 году, называет «основополагающим».

Вторая Дуде, Кернер также отказывается видеть в Сальери главного виновника трагедии 1791 года — гибели Моцарта. «...Событие 1791 года», — пишет автор в брошюре «Смертельная болезнь Моцарта» (1961), — простирается существенно дальше, чем в личную сферу того, кого это непосредственно касается, так как для убийства из

личных побуждений или из чистой зависти рамки были слишком пышными, слишком внушительным было культово-ритуальное облачение действий той волшебной оперы и ноябрьских событий того же года!»

«Ноябрьские события» — это роковое исполнение кантаты, а «волшебная опера» — «Волшебная флейта». На титульном листе изданного к премьере оперы либретто Кернер усмотрел грозное предзнаменование — масонские знаки, символизирующие вестника богов Меркурия. С Меркурием, известным своей подвижностью, средневековые алхимики связывали представление о ртути. А Моцарт, утверждает Кернер, отравили двухлористой ртутью — сулемой!

«Волшебная опера, — глубокомысленно обобщает майнцский терапевт, — стала мавзолеем чудо-ребенка и позднейшего чудо-человека». Слова о чуде-ребенке не случайны. В двадцать четвертой работе Кернера на тему о смертельной болезни Моцарта, напечатанной в кельнском медицинском журнале в феврале этого года, в качестве криминальной улики воспроизведена гравюра с портрета семилетнего «композитора и маэстро музыки». Под портретом — стихотворная цитата из так называемого гомеровского гимна Гермесу.

Предвижу недоумение: какое отношение могут иметь портрет вундеркинда и гомеровские стихи к смерти Моцарта и медицинскому журналу?

Ответ дают мифология и алхимия: Гермес — тот же Меркурий, как его звали римляне, Меркурий — ртуть, а ртуть — яд.

«От того юношеского портрета Моцарта на восьмом году жизни, — торжественно заявляет Дитер Кернер, доктор медицины, — с помещенным под ним гомеровским гимном Гермесу «Гимн Меркурию» до смерти замыкается ужасный круг...»

Этой анекдотической мистификацией можно, пожалуй, замкнуть и круг исследований «тайны смерти» Моцарта.